

Ольга Юрьевна Жукова – кандидат филологических наук,
доцент кафедры прибалтийско-финской филологии
Петрозаводского государственного университета,
младший научный сотрудник сектора языкознания
Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН
(Петрозаводск, Россия),
olgazhukovaveps@mail.ru

Olga Ju. Zhukova – Ph.D. in Philology,
Associate Professor at the Department of Baltic-Finnish
Philology of the Petrozavodsk State University,
Junior Research Assistant at the Linguistics Sector of the Institute
of Language, Literature and History at the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation),
olgazhukovaveps@mail.ru

УДК 811.511.115+781.7

СТРУКТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЕПСКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ¹

STRUCTURAL AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF VEPSIAN VERBAL CHARMS' TEXTS

Аннотация

В статье анализируются структурные особенности заговоров вепсов, с выделением устойчивых формул в зачине и закрепке текста. Мотив избавления от болезни репрезентируется использованием глаголов «прогонять», «очищать», а также уничтожать другими способами, исходящими из арсенала помогающего существа. Из фонологических стилистических композиционных средств в заговорно-заклинательных текстах выделяется аллитерация и различные повторы.

Abstract

The article analyzes the structural features of Vepsian verbal charms, with a separate indication of stable formulas in the “beginning” and in the “endline” of the

¹ Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118012490344-5).

text. The motive of getting rid of the disease is represented by the use of the verbs “send away”, “cleanse”, and also destroy in other ways, coming from the arsenal of a helping creature. Alliteration and various repetitions stand out from the phonological stylistic compositional means in the texts of verbal charms.

Ключевые слова: вепсский фольклор, заговорный текст, структурные части, аллитерация, стилистический приём

Keywords: Vepsian folklore, verbal charm, structural parts, alliteration, stylistic device

Заговоры до сих пор остаются малоизвестным и малоизученным жанром вепсского фольклора. Они попадали в поле зрения этнологов как источник для изучения мифолого-религиозного мировосприятия народа, а образы животных, упоминаемых в заговорах, рассматривались для выявления традиционных представлений о них [1, с. 196–205]. Сами заговорно-заклинательные тексты не становились предметом специального исследования. Материалом для нашего анализа послужили тексты, отобранные из печатных источников, полученные путём расшифровки архивных записей, а также зафиксированные в полевых условиях.

История собирания и публикации вепсских заговоров начинается с записей Э. Леннрота, который, собирая материал для будущей диссертации, зафиксировал в том числе и заговорные тексты. Они вошли в книгу 1875 года “*Essai de grammaire vepse ou tchoude du nord*” [7]. Отдельные тексты можно встретить в различных сборниках образцов вепсской речи, как опубликованных в Финляндии [9; 10], так и в отечественном издании, составителями которого выступили М. И. Зайцева и М. И. Муллонен [2]. Не опубликованные записи имеются в Фольклорном архиве Финского литературного общества (г. Хельсинки), в архиве Литературного института Эстонии (г. Тарту), а также в

Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Заговоры были довольно распространены среди вепсского населения. Финский исследователь Аймо Турунен отмечал в своей обзорной статье по вепсскому фольклору 1943 года, что «у старшего поколения вепсов ещё живы понятия о происхождении болезней как влияния злых сил. Поэтому использование заговоров в качестве средства излечения широко используется. Почти в каждом селе есть знающие женщины среднего возраста (нойд), способные производить магические действия» [13, с. 157].

Следует отметить, что заговорная традиция и институт «знающих женщин» функционирует и сейчас, что было отмечено нами в ходе экспедиционных поездок в последние годы.

Обратимся к рассмотрению именованных: заговор по-вепски *puhe, puheg*. Лексема характерна для северно- и средневепсского диалекта, образована от глагола *puhuda*. Заговаривать, произносить заговоры, заклинания: *puhuda puhegid* [3, с. 436, 438]. Глагол включён в этимологическую статью фин. *puhua* с указанием, что в вепсском языке *puhuda* имеет значение 'дуть', 'сеять репу способом выплевывания изо рта' и 'заговаривать, произносить заговоры' [12, с. 416; 9, с. 627]. Аналогичная семантика характерна и для карельского глагола.

Со значением «заговаривать» выступает глагол *puiteida (puitooda, piiteida)*: *puitooda purendas* 'заговаривать грыжу' [3, с. 438], от него *puitoomine* 'заговор', фиксируемый у южных вепсов. Происхождение слова не совсем ясно, оно не включено в этимологические словари. Можно лишь предположить его связь с глаголом *puitta* «идти верхом, прыгая по деревьям (о белке)», входящего в этимологическое гнездо фин. *puittaa* с основным значением «бежать быстро, удирать» (12, с. 417). Интересным представляется упоминание в словарной статье, что данное слово из диалектов финского языка попало в саамский язык, где помимо значения «прыганья белки» имеет семантику «спасаться, произнося

что-то, в какой-то ситуации». Здесь напрашивается сопоставление с вепским *puiteida*.

Южные вепсы активно используют глагол *otvedaida (madoo sōndas)* – заговаривать (от укуса змеи) [3, с. 387]. В «Словаре русских народных говоров» у глагола «отведывать» помимо других значений указывается значение «расколдовать» с указанием фиксации в Олонецкой губернии и примером: «Прохожий коновал-колдун отведал лошадь и теперь она поправляется» [5, с. 132]. В восточных говорах зафиксировано *abutuz* как «заговаривание» от глагола *abutada (abutuz ii ladn'ukse* «заговаривание не помогло») [3, с. 18].

По отношению к более коротким и простым по форме заговорам-обращениям применяют именование *vaihed* «слова», подразумевая специальные слова – слова, которые нужно знать.

Исходя из функциональной направленности жанра, можно провести следующую условную классификацию вепских заговоров и выделить: *лечебные заговоры* (от грыжи, кровотечения, радикулита, боли в ухе, при нарыве, от сглаза, порчи и т. д.); *любовные* (присушки, отсушки); *заговоры, связанные с уходом за скотиной* (чтобы у коровы было молоко, для лечения коровы, для защиты на летний период); *промысловые заговоры* (для удачной охоты, рыбалки). Отдельно стоят *заговоры-обращения, используемые во взаимоотношениях с духами-хозяевами* (проситься в лес, в новый дом, благодарить за мытьё в бане и т. д.).

Заговор – это текст магического свойства, ориентированный на достижение результата. Поэтому заговорные тексты являются устойчивыми, зачастую имеющие начальные и заключительные формулы.

В вепских заговорах можно выделить три структурных части: зачин, основная часть, также называемая эпической или сюжетной, и закрепка или фиксация.

Распространенным видом зачина является следующая устойчивая формула:

<i>Nouzin blaslovas,</i>	Встала я благословясь,
<i>Pezimoi blaslovas,</i>	Умылась благословясь,
<i>Läksin ukxes ukshe,</i>	Вышла из дверей в двери,
<i>Verejas verejaha,</i>	Из ворот в ворота,
<i>Vihandaha normhe,</i>	На зелёный луг,
<i>Lagedaha püüidho...</i> [10, с. 515]	В широкое поле...

Форма зачина похожа на стереотип с унифицированными формулами, характерный для Русского Севера: «Встану я благословясь, пойду перекрестясь из дверей дверями, из ворот воротами, выйду я в чисто поле...».

В этой связи напрашивается мысль о его заимствовании из русской традиции и закреплении в вепсской. Любопытно, что в отдельных текстах в этот зачин внедряются и свои традиционные формулы: *lagedha püüidho*, *vihandha normhe*, *kuudašt kujodmu*, *vaššišt vagodmu* – «в широкое поле, на зелёный луг, по золотому прогону, по медной борозде». Устойчивые сочетания *kuudašt kujoštme*, *vaššišt vagoštme* встречается и в других жанрах вепсской устнопоэтической традиции, например, в колыбельных песнях.

В некоторых заговорных текстах зачин может пропускаться.

В сюжетной части даётся описание места, где происходит встреча со сверхъестественным существом, которое помогает или у которого просят помощи.

Заговор от кровотечения:

<i>Vihandas normes,</i>	На зелёном лугу,
<i>Lagedas püüidos</i>	В широком поле
<i>Om kuudeine meri.</i>	Есть золотое море.
<i>Kuudeižes meres</i>	В золотом море
<i>Kuudeine kivi.</i>	Золотой камень.
<i>Kuudeižuu kivuu</i>	На золотом камне
<i>Ištub kuudeine niizne...</i> [4]	Сидит золотая дева...

В качестве помогающих существ могут выступать люди и животные, например: золотая дева (*kuudeine niizne*), ледяной мужик (*jäine mužik*), чёрный кот (*must kaži*), золотой петушок (*kuudeine kukoihut*) и др. Встречаются и христианские святые: Богородица-матушка, святой Николай.

Затем сюжетная часть заговора переходит в часть «уничтожения» болезни. Для избавления от болезни в заговорах используются мотивы «отгона болезни, избавления от недуга, очищения».

Мотив «отгона болезни» репрезентируется использованием глагола *ajada* 'гнать'. *Ajab necil rabou pahkan, kibun* – «Прогоняет у этого раба нарыв, боль» (в заговоре от нарыва) [8, с. 318–319].

Сюжет «избавление от болезни» использует глагол *pästta* 'отпустить':

<i>Pästa mindei rababože Pavelat</i>	Избавь меня раба божьего Павла
<i>Kaikučes paganaspei,</i>	От каждой (всякой) заразы,
<i>Kül'bet 'paganaspei i vezipaganaspei,</i>	Зуд (зараза) от бани и от воды,
<i>I sobaraganaspei, i verhas paganaspei,</i>	И зараза от одежды, и от чужой заразы,
<i>I kaikučes paganaspei</i> [8, с. 143–144].	И от всякой заразы.

Мотив «очищения» создается использованием устойчивых глагольных пар (*puhtastan i sel'gitan* 'чистить и очищать', *očiščaaju i izbavl'aju*):

<i>Puhtastab i sel'gitab</i>	Чистит и очищает
<i>necil raba božjou ...(nimi)</i>	у этого раба божьего (рабы божьей)... (имя)
<i>taman, tatan duman,</i>	думу матери, отца,
<i>pahan raffan paginan,</i>	наговор злых людей,
<i>dedan, baban duman...</i> [4]	думу дедушки, бабушки...

I očiščaju i izbavl'ju neciš purendaspäi, häkutusespäi [7, № 625/7] – «и очищаю и избавляю от этой грыжи».

Уничтожение болезни происходит и другими способами, зависящими от возможностей или арсенала сверхъестественного существа, у которого

просят помощи. Если это «медный кот» в заговоре от грыжи, то он использует свои когти, зубы и даже острые глаза:

<i>Vaššil künzil künzib,</i>	Медными когтями выцарапывает,
<i>Vaššil hambhil hambhib,</i>	Медными зубами выгрызает,
<i>Vaššil sil'mil čapab</i>	Медными глазами вырезает
<i>Necen pure-pure-kibun</i> [4].	Эту боль-боль-болезнь.

В конце заговорного текста идет закрепка. В вепсских текстах это следующие варианты: *Igäks kaikeks, amin', amin', amin'* – «На весь век, аминь, аминь, аминь», или *Vo veki. Amin* – «Во веки. Аминь».

Это заключительное слово употреблялось в богослужбных текстах, молитвах для подтверждения истинности сказанного. Формула перешла в сферу народного быта и фольклора и часто употребляется в русских заговорах и заклинаниях [6, с. 14]. Пришло и закрепилось оно и в вепсской традиции.

Часть заговоров имеют другое построение, они адресованы тому, от чего или откуда пристала к человеку болезнь. Соответственно, обращались к духам-хозяевам воды, леса, бани, например, при болезни от ветра, просили прощения:

<i>Ižandeižed, emägeižed,</i>	Хозяева, хозяйюшки,
<i>Mahuded, veduded,</i>	Земелюшки, водицы,
<i>Sohuded, puhuded,</i>	Болотца, деревца,
<i>Peinuuzimtullei,</i>	Восточный ветер,
<i>Keskpeitullei,</i>	Полуденный ветер,
<i>peilaskimtullei,</i>	Западный ветер,
<i>kaikide tullide tullei,</i>	Ветер всех ветров,
<i>Prost'kat mindei,</i>	Простите меня,
<i>En-ik midä sanuin libo dumein</i> [4].	Если что-то сказал или подумал.

В таких текстах можно выделить две части: обращение, просьба забрать недуг или угроза. Угрозы звучали при заговаривании от укуса змеи.

*Šiheidajad-šaheidajad,
Tedan minä tiiden kodin,
Tedan minä tiiden kanzan,
Tedan minä tiiden lapsid,
Puutan minä tiiden kodin,
Puutan minä tiiden lapsid,
Otkat tagaz ičetoi kokeiduz!
Amin', amin', amin' [4].*

Шипящие-шуршащие,
Знаю я ваш дом,
Знаю я вашу семью,
Знаю я ваших детей,
Сожгу я ваш дом,
Сожгу я ваших детей,
Заберите обратно свой укус!
Аминь, аминь, аминь.

Из фонологических стилистических композиционных средств следует выделить аллитерацию. В языке заговоров она не имеет такого довлеющего значения при отборе лексики, как, например, в причитаниях, так как к функциям заговора не относится эмоциональное воздействие. И всё же аллитерационные конструкции создавались и способствовали запоминанию текста: *pusktas i amptas prizoran i prikosan* [7, № 625/3] – «выкалывают и выстреливают сглаз и порчу»; *i pästab sōmižid sōmha, jomižid jomha* [7, № 1308/5] – «и отпустит (выпустит) еду поесть, питьё попить», *tačīn tehe tropatomha, soho samlotomha* [7, № 625/7] – «бросаю на дорогу без тропинки, в болото без мха».

К типичным стилистическим приёмам в проанализированных текстах следует отнести постоянные и сквозные эпитеты, а также использование перечислений и повторов.

Таким образом, выявляемые принципы организации текстов и маркирующие стиль выразительные и образные средства демонстрируют, что магические тексты вепсского народа являются интереснейшим материалом для комплексного лингвостилистического анализа.

Литература

1. Винокурова И. Ю. Вепские заговоры от змей как источник для реконструкции мифологических представлений // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2008. С. 196–205.
2. Зайцева М., Муллонен М. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969. 296 с.

3. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 748 с.
4. Полевые материалы автора. Информант: Ершова Галина Петровна 1933 г. р. урож. дер. Азмозеро, запись п. Курба Подпорожского р-на Ленинградской обл. 1999 г.
5. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1989. Вып. 24. 368 с.
6. Шипановская Л. М. Заговорные тексты как памятники «вещного, чародейного слова» // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. С. 2–21.
7. Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
8. *Essai de grammaire vepse ou tchoude du nord*. Paris, 1875. 129 s.
9. Kettunen L., Siro P. *Näytteitä vepsän murteista*. Helsinki, 1935. 193 s.
10. Setälä E. N., Kala J. H. *Näytteitä Äänis- ja Keskivepsän murteista*. Helsinki, 1951. 621 s.
11. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII / Tekijät E. Itkonen, A. J. Joki. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955–1981. 2293 s.
12. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I. Helsinki: SKS, 1992. 486 s.
13. Turunen A. *Vepsäläistä kansanrunoutta* // *Virittäjä*. 1943. S. 147–166.

References

1. Vinokurova I. Yu. *Vepsskie zagovory ot zmej kak istochnik dlja rekonstrukcii mifologicheskikh predstavlenij* [Vepsian verbal charms against snakes as a source for reconstruction of mythological ideas]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie vepsov i rol' muzeja v zhizni mestnogo soobshhestva* [Vepsian historical and cultural heritage and the role of the museum in the life of the local community]. Petrozavodsk: Izd-vo KarNC RAN, 2008, pp. 196–205.
2. Zajceva M., Mullonen M. *Obrazcy vepsskoj rechi* [Samples of Vepsian speech]. Leningrad: Nauka, 1969. 296 p.
3. Zajceva M. I., Mullonen M. I. *Slovar' vepsskogo jazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad: Nauka, 1972. 748 p.
4. *Polevyje materialy avtora* [Field data of the author]. Informant: Ershova Galina Petrovna 1933 g. r. urozh. der. Azmozero, zapis' p. Kurba Podporozhskogo r-na Leningradskoj obl. 1999 g.
5. *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects. Volume 24]. Leningrad: Nauka, 1989. 368 p.
6. Shipanovskaja L. M. *Zagovornye teksty kak pamjatniki "veshnhogo, charodejnogo slova"* [Texts of verbal charms as records of the "real, magic word"]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskij al'manah* [Word: folklore and dialectological almanac]. Blagoveshhensk, 2005, pp. 2–21.
7. *Fonogramarhiv Instituta jazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Phonogram archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences].
8. *Essai de grammaire vepse ou tchoude du nord*. Paris, 1875. 129 s.
9. Kettunen L., Siro P. *Näytteitä vepsän murteista*. Helsinki, 1935. 193 s.

10. Setälä E. N., Kala J. H. *Näytteittä Äänis- ja Keskivepsän murteista*. Helsinki, 1951. 621 s.
11. *Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII*. Tekijät E. Itkonen, A. J. Joki. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955–1981. 2293 s.
12. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I*. Helsinki: SKS, 1992. 486 s.
13. Turunen A. Vepsäläistä kansanrunoutta. *Virittäjä*. 1943. S. 147–166.